Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 185–202
Tomsk State University Journal of Philology. 2023. 85. pp. 185–202

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/85/9

Литература, музыка и театр в переписке В.А. Жуковского и А.Я. Булгакова 1841–1852 гг.

Виталий Сергеевич Киселев[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, kv-uliss@mail.ru*

Аннотация. На материале подготовленной к изданию переписки В.А. Жуковского и А.Я. Булгакова реконструируется история их творческих контактов. Прослеживается взаимная рецепция произведений и творческих планов, выявляются отклики на литературные новинки и происшествия, в том числе скандальные. Отдельному рассмотрению подвергнут материал сообщений А.Я. Булгакова о событиях музыкальной и театральной жизни Москвы 1840-х гг.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, А.Я. Булгаков, переписка, биография, творческие отношения, литература, музыка, театр

Благодарности: исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

Для цитирования: Киселев В.С. Литература, музыка и театр в переписке В.А. Жуковского и А.Я. Булгакова 1841–1852 гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 185–202. doi: 10.17223/19986645/85/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/85/9

Literature, music and theater in the correspondence between Vasily Zhukovsky and Alexander Bulgakov in 1841–1852

Vitaly S. Kiselev[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kv-uliss@mail.ru*

Abstract. The quarter-century-long correspondence between Alexander Bulgakov and Vasily Zhukovsky, which includes 261 surviving documents (167 letters remain unpublished), is closely inscribed both in the history of their personal relationship and in the epochal events of our time, in the development of Russian and European literature, in the context of social thought and ideological searches. The correspondence has an encyclopedic character: it reflects creative plans and literary news, events of

© Киселев В.С., 2023

theatrical and musical life, secular and court news, and, since the revolutionary year of 1848, political events and responses to them in Germany and Russia. The article dwells only on the literary, theatrical and musical topics of the correspondence. Mutual reception of the works is traced (*Biography of Konstantin Yakovlevich Bulgakov, Privy Councilor, Director of the Postal Department, St. Petersburg Postal Director, Knight of various orders*, "Conversation of Neapolitan King Murat with General Count M.A. Miloradovich at the Outposts of the Army on October 14, 1812: (An excerpt from the memoirs of 1812)", "Feelings of Moscow's General Respect for the Memory of Late Prince Alexander Nikolayevich Golitsyn", "A List in Moscow", "Sophia Schoberlechner in Moscow", "Fanny Elsler" by Bulgakov; translation of *Odyssey*, "To the Russian Giant", "Letter from a Russian from Frankfurt", "Letter to Prince P.A. Vyazemsky about His Poem 'Holy Russia' ", "About the Incidents of 1848. Letter to Count Sh-k", "Joseph Radowitz", "Russian and English Politics", "Poems Dedicated to Pavel Vasilyevich and Alexandra Vasilyevna Zhukovsky" by Zhukovsky) and creative plans (the idea of the prose collection by Zhukovsky in 1850), responses on literary novelties and incidents, including scandalous ones (Lermontov's duel and death; deaths of Baratynsky, Yazykov, Alexander Turgenev and Gogol; publication of the memoirs of Xavier Marmier, Dolgoruky's French publication *Notice sur les Principales Familles de la Russie*" in Paris under the pseudonym "Count Almagro"; the publication of Adolphe de Custine's book *La Russie en 1839*; the publication in *Severnaya pchela* of Rostopchina's verse "Forced Marriage", allegorically representing the relations between Poland and Russia; Samarin's punishment for his "Letters from Riga"; the scandal with the production of Aksakov's play *Liberation of Moscow in 1612*), The article separately considers Bulgakov's material about the events of the musical life of Moscow in the 1840s (tours of the St. Petersburg German Theatre; visits to St. Petersburg and Moscow by Rubini, Liszt, Taglioni; tours of the Italian Theater; tours of the ballerina Elsler and the actress of the Alexandrinsky Theater Samoilova). The rich correspondence between Bulgakov and Zhukovsky in the 1840s is a true chronicle of the literary, theatrical and musical life of Russia rendered through the prism of individual interests, without losing its novelty and informativeness.

Keywords: Vasily Zhukovsky, Alexander Bulgakov, correspondence, biography, creative relations, literature, music, theater

Acknowledgments: The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00083: Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication.

For citation: Kiselev, V.S. (2023) Literature, music and theater in the correspondence between Vasily Zhukovsky and Alexander Bulgakov in 1841–1852. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 85. pp. 185–202. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/9

В истории русской культуры переписка В.А. Жуковского – явление уникальное. В ней – отзывы из Германии, Швейцарии, Франции, Италии, Англии, зарисовки европейской природы, достопримечательностей, бытовой жизни и рефлексы общения с виднейшими представителями культуры, политики, науки, картина общественной и интеллектуальной жизни александровского и николаевского царствования, разнообразие взглядов и идеологий, широкая панорама империи от Лифляндии, Малороссии и Крыма до Тобольска и мест сибирской ссылки, жизнь царского двора и перипетии дворцовых отношений, история общения с большинством русских

литераторов первой половины XIX в. от самых известных (Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, П.А. Вяземский) до ныне почти забытых, личные драмы и общественные катастрофы, как российские, так и европейские, наконец, судьбы дружбы, прошедшей все испытания или оборвавшейся из-за каких-то причин…

В этой переписке, включающей более 3 000 писем Жуковского к около 450 адресатам и более 4 000 писем к Жуковскому около 600 корреспондентов, эпистолярное общение с А.Я. Булгаковым занимает особое место. Из их переписки сохранилось 261 письмо (140 писем Жуковского и 121 письмо Булгакова), из которых две трети (167) еще не известны в печати. Она входит в четверку самых объемных в наследии Жуковского, наряду с перепиской с А.И. Тургеневым, П.А. Вяземским и А.П. Елагиной, и начинается с 1828 г., хотя корреспонденты познакомились еще в 1809 г. К тому моменту Булгаков успел послужить сержантом в лейб-гвардии Преображенского полка, юнкером в Московском архиве Коллегии иностранных дел, секретарем посольства в Неаполе и Вене, откуда вернулся в Москву в 1808 г. и с тех пор служил в архиве Министерства иностранных дел и затем, с 1832 г., руководил московской почтой. Переписка Булгакова и Жуковского имеет энциклопедический характер: свое место здесь занимают творческие планы и литературные новости, события театральной и музыкальной жизни, круговорот светских и придворных вестей, а с революционного 1848 г. – политические происшествия и отклики на них в Германии и России. В настоящей статье мы остановимся только на литературных, театральных и музыкальных темах.

Булгаков, будучи причастным литературе, писателем или знатоком словесности себя не считал, что иронически подчеркнул в письме от 10 августа 1835 г.: «Будь здоров и помни твоего товарища, ты поэт, а я и брат, как говаривал покойный Ланжерон, мы des hommes de lettres[1]» [1. Л. 6]. Именно поэтому для него было важно получить одобрение своих немногочисленных творческих опытов со стороны Жуковского («вить Жуковский-то первый писака на Руси!» [1. Л. 5]). Так, из ответного письма Жуковского от 26 апреля 1838 г. мы узнаем, что Булгаков отправил ему свою брошюру «Биография тайного советника, директора почтового департамента, Санкт-Петербургского почт-директора, разных орденов кавалера Константина Яковлевича Булгакова» [2], вызвавшую острое ностальгическое чувство: «Ты прав, я большая скотина, что не поблагодарил тебя за присланный мне тобою экземпляр биографии брата Константина; я читал эту биографию с особенным чувством: жизнь твоего брата заставила оглянуться и на собственную; мы ведь в одни годы начали жизнь, и жили если не вместе, то как-то все заодно. Друзья у нас были общие. Жизнь его, как милейшего родного; добрее души не встречалось мне на свете» [3. Л. 1].

[1] Литераторы (*франц.*). Поскольку почти все письма Булгакова до настоящего момента не публиковались, а публикации писем Жуковского имели значительные текстологические погрешности, цитаты из них приводятся по архивным автографам.

Самым значительным произведением Булгакова был его дневник под условным названием «Современные записки и воспоминания»[1], который он вел с молодости до конца жизни. 1 / 13 мая 1843 г. он писал Жуковскому: «У меня есть 10 огромных томов записок моих (из коих я и этот эпизод почерпнул), как бы не были они ничтожны, все-таки можно многое любопытное и полезное из них извлечь, но где взять мне время этим заняться? Я за то глажу уже себя по головке, что не перестаю заниматься продолжением этой работы, которая когда-нибудь пригодится детям моим» [1. Л. 32 об.]. Из дневника Булгаков иногда извлекал и публиковал примечательные фрагменты, в частности статью «Разговор Неаполитанского короля Мюрата с генералом графом М.А. Милорадовичем на аванпостах армии 14 октября 1812 года: (Отрывок из воспоминаний 1812 года)» [6][2], которую отправил Жуковскому 16 / 28 февраля 1843 г., а ранее, 21 января / 2 февраля, предупредил: «Я написал, или, лучше сказать, выписал из моих записок один эпизод из 12-го года, переправил, пополнил, и вышла статейка довольно занимательная» [1. Л. 24 об.]. Подобные опыты вызывали непременное одобрение Жуковского, писавшего 11 / 23 апреля 1843 г.: «Прочитал с большим удовольствием: этот отрывок напомнил живо о великом для России времени. Особенно в нем замечателен Карамзин, который с такою верностью, накануне падения Москвы, предсказывает падение Наполеона и с таким вдохновением верит славному спасению отечества, тогда как все вокруг него кажется погибающим. Ты прилежно записывал все, что видел и слышал в течение своей жизни; верно, у тебя запас порядочный записок. Хорошо бы ты сделал, когда бы сам сделал из них выбор и выдал в свет то, что годится для выдачи» [8. Л. 12–12 об.].

Булгаков был вполне согласен с мнением поэта и, хотя опубликовал из своего дневника немного, часто сетовал, что известные люди своего времени не оставляют мемуаров и лишают потомство важных сведений: «Грех, точно грех таким людям, как, напр<имер>, Волконский, кн<язь> Ал<ександр> Н<иколаевич>, Ростопчин, Аракчеев, Сперанский, Бенкендорф, умирать, не оставляя записок или полезных материалов для нашей истории» [1. Л. 33] (письмо от 1 / 13 мая 1843 г.). Особенно оба друга сожалели, что пропадают втуне истории, которые прекрасно умел рассказывать о былых временах князь А.Н. Голицын. Узнав о его смерти, Жуковский писал другу 11 / 23 января 1845 г.: «Из присланной мне расписки Шевырева я вижу, что ты написал статью о кончине кн<язя> А.Н. Голицына. Я хотел просить тебя, чтобы ты мне сообщил ее подробности; но в твоей статье, вероятно, заключается все главное. Пришли мне ее или в списке или печатную» [9. Л. 1 об. – 2]. 30 января / 11 февраля 1845 г. Булгаков отвечал, прилагая статью «Чувства общего уважения Москвы к памяти покойного князя Александра Николаевича Голицына» [10]: «Я особенных подробностей о кончине кн<язя>

[1] Дневники Булгакова в составе 17 томов [4, 5] до сих пор опубликованы лишь в небольшом объеме усилиями С.В. Шумихина.

[2] Ее оттиск сохранился в библиотеке Жуковского [7. № 29 а].

А<лександра> Н<иколаевича> Голицына не имею, а Шевырев в записке своей упоминает о статейке моей, касающейся до панихиды, которую служил у нас в Почтовой церкви преосвященный Филарет. Я порчу для тебя экземпляр свой, вырезываю из моего № статью и посылаю оную тебе при сем» [1. Л. 53].

Московский почт-директор также был в курсе творческих замыслов Жуковского, получая о них сведения из разных источников, от самого поэта, от П.А. Вяземского, А.И. Тургенева, других друзей и даже от дочери Ольги, поделившейся с отцом колоритным эпизодом масленицы, отпразднованной Жуковским, цесаревичем и его свитой в Риме во время карнавала 1839 г. и ознаменованной шуточными неопубликованными стихами: «Это напоминает мне русские ваши блины в Риме, о коих рассказывала мне Ольга не один раз, выхваляя стихи твои[1] при этом случае у цесаревича» [1. Л. 217] (письмо от 15 / 27 февраля 1851 г.). Правда и то, что развернутой рефлексии они не удостаивались ни у самого Жуковского, ни у Булгакова, ограничивавшегося, как правило, вполне лапидарным одобрением. Единственным отступлением от этого правила стало письмо Жуковского от 27 сентября / 9 октября 1848 г., посвященное правкам, которые П.А. Вяземский и Ф.И. Тютчев самовольно внесли в текст стихотворения «К русскому великану»: «Скажи ему <П.А. Вяземскому>, что я совсем не благодарен ему за ту поправку, которую он (вероятно, он) сделал в моих стихах, напечатанных в “С<анкт>-П<етербургских> ведомостях” и перепечатанных в “Скверной пчеле”. И это не от авторского самолюбия, а просто от того, что из смысла сделалась бессмыслица» [12. Л. 25 об.]. На это Булгаков 12 / 24 октября 1848 г. откликнулся вполне симптоматично: «À propos de cela[2], письмо твое посылаю к Вяземскому. Я ничего не знаю о поправках, о коих ты пишешь. Знаю я Воробьевы и Валдайские горы, а на Геликон никогда не карабкался, езжал я в мою жизнь на ослах, даже на коровах, а на Пегасе никогда. Вяземский будет тебе, вероятно, сам отвечать, объяснять и оправдываться, а твои резоны, кажется, основательны» [1. Л. 142 об.].

Красной нитью через переписку 1840-х гг., безусловно, проходят упоминания о работе над переводом «Одиссеи», начиная от совместного письма Булгакова и А.И. Тургенева от 17 / 29 ноября 1842 г. Жуковский не комментировал другу эстетику своего перевода, но с этими рефлексиями московский почт-директор был знаком благодаря проходившим через его руки или пересылаемым к нему письмам Жуковского к А.П. Елагиной (последнее в сокращении было опубликовано И.В. Киреевским в «Москвитянине» [13], внимательно прочитываемым Булгаковым), А.И. Тургеневу и, особенно, П.А. Вяземскому. Однако даже лапидарные упоминания складывались в некую хронику: «У меня на руках старуха “Одиссея”; она идет хорошим, но еще весьма медленным шагом; не раскачалась еще» [8. Л. 10 об.] (10 / 22 февраля 1843 г.); «<…> наконец я кончил свою одиссею и остаюсь

[1] Их публикацию см.: [11. С. 27].
[2] Кстати, об этом (*франц.*).

на месте и принялся за “Одиссею” Гомерову, с которою мне так же трудно ладить, как самому Одиссею с сердитым Нептуном» [8. Л. 15] (10 / 22 октября – 9 / 21 ноября 1843 г.); 26 сентября / 8 октября Жуковский просил прислать перевод «Одиссеи» И.И. Мартынова [14]; «если бы не надобно было готовиться к отъезду, опять бы усердно принялся за “Одиссею”» [12. Л. 8] (13 / 25 мая 1847 г.); «Целый месяц не примусь за перо потому, что все время хочу посвятить “Одиссее”, которую надеюсь, с Божиею помощию, кончить к половине апреля н<ового> с<тиля>» [12. Л. 27 об.] (7 / 19 марта 1849 г.); «“Одиссея” кончена и отпечатана, и едет на долгих в Россию» [12. Л. 30] (17 / 29 мая 1849 г.).

Особым моментом здесь выступила гордость за европейское признание перевода: в приложении к газете Allgemeine Zeitung в 1849 г. был опубликован пространный хвалебный отзыв немецкого писателя и критика К.А. Фарнгагена фон Энзе, который Жуковский не преминул переслать 31 октября / 12 ноября 1849 г. («А печатную статью, прочитав, передай от меня Шевыреву. Ему, который взял на себя дружеский труд сказать несколько слов о моей “Одиссее” русским людям[1], будет интересно прочитать то, что о ней сказал немец немцам» [12. Л. 34]). На это Булгаков отвечал 21 ноября / 3 декабря 1849 г.: «Шевырев сказывал мне, что у него была уже мысль передать русским то, что немец говорит немцам о твоей “Одиссее”. Мы увидим это, вероятно, в первой книжке “Москвитянина”. Но ты большой чудак! Неужели ты думаешь, что никто не получает здесь “Allg<emeine> Zeitung” и никто не знал о статье, которую ты прислал мне вырезанною? Для меня, по крайней мере, это не новость. Я давно это читал» [1. Л. 177]. Участие Булгакова выразилось и в том, что он организовал получение, хранение и распространение, в том числе подарочных экземпляров, «Одиссеи» в составе «Новых стихотворений Василия Жуковского» и «Стихотворений Василия Жуковского», отпечатанных в Карлсруэ и отправленных в Россию, о чем отчитывался в письмах 1848 (30 ноября / 12 декабря) и 1849 г. (21 марта, 12 / 24 октября). Дружеская ирония над образом Жуковского-переводчика, накрепко связавшимся с образами Одиссея и Гомера, неизменно сопровождала его письма 1840-х гг.

Знаком особой доверенности выступило и регулярное ознакомление Булгакова с политической прозой 1848–1850 гг. Лишь две статьи Жуковского из этого корпуса были опубликованы в России – «Письмо русского из Франкфурта» [16] и «Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”» [17], с ними московский почт-директор был знаком и писал 20 марта / 1 апреля 1848 г.: «Много говорили о “Письме русского из Франкфурта”, напечатанном в “Северной пчеле”. Полагали, что оно от тебя и письмо ко мне, но я уверяю, что нет, что тут ум и чувства Жуковского, но что во всяком случае письмо не ко мне. Теперь стали говорить, что писано письмо это Карамзиным. Честь и слава ему. Письмо прекрасное!» [1. Л. 133 об.].

[1] Подразумеваются развернутые обзоры перевода в статьях: [15].

Остальные же предназначались Жуковским для немецкой публики и немногочисленных русских друзей: они печатались в переводе в газетах, из которых извлекались отдельные оттиски-брошюры, или в немецких издательствах. Так, поэт писал Булгакову 9 / 21 августа 1848 г., высылая немецкий перевод статьи «О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш-ку»: «Вместо длинного письма посылаю тебе, душа моя, коротенькую брошюрку, мною здесь напечатанную для немногих русских, здешних и домашних. Два экземпляра – пошли из них один Вяземскому, другой оставь себе. Но прошу тебя, никому не давай в руки печатного; если тебе захочется, чтоб другие читали, то вели сделать список, и пускай ходит по рукам манускрипт; иначе могут подумать, что я печатаю за границею для раздачи экземпляров на Руси. Я всего на все напечатал 40 экземпляров, из которых не более десятка пойдет на родину» [12. Л. 24–24 об.]. На нее Булгаков отозвался единственным во всей переписке критическим замечанием в письме от 23 августа / 4 сентября 1848 г.: «Я осмелюсь сделать только одно замечание: на 3-ей странице, говоря о Екатерине и о разделе Польши, ты называешь это *преступною* ошибкою великой этой царицы. Положим, что это ошибка (последствия это доказывают), но слово *преступная* слишком жестко, особенно в устах русского, в пере Жуковского» [1. Л. 138]. Получение других статей-брошюр (немецкие варианты «Письма к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”», «Иосиф Радовиц», «Русская и английская политика») неизменно вызывало одобрение: «Да помилуй, братец! Что же ты думаешь об нас? Что мы пошлые дураки? Что мы не читаем газет? Не видывали в глаза “Allg<emeine> Zeitung”? Не знаем по-немецки? <…> Я читал в свое время и с особенным наслаждением статью из Beilage[1], которую ты мне прислал, ломал себе тогда голову и признаюсь, что скотина, не догадавшись, что ты должен был быть автором этой статьи: умной, основательной и беспристрастной. Тут точно одна правда, против которой возражать нечего» [1. Л. 187 об.] (24 апреля / 7 мая 1850 г.); «Присланные тобою брошюрки я получил исправно, и все розданы или разосланы. Я сам не успел еще прочитать, но давал читать живущему со мною молодому студенту берлинскому по имени Бабергейл, который два года посещал университет с сыном моим Павлом и теперь должен поступить в доктора. Он в восхищении от твоей брошюрки. Не говоря уже об основательности суждений, он удивляется прекрасному немецкому слогу в сочинении, написанном русским» [1. Л. 194] (1 / 13 августа 1850 г.).

Не прошли мимо внимания Булгакова, вероятно, через посредничество П.А. Вяземского и известия о планах Жуковского напечатать сборник своих политических и нравственно-религиозных статей, уже отправленный друзьями в цензуру, но остановленный самим автором. Эти цензурные затруднения очень удивили московского почт-директора: «Мне кто-то (не вспомню, но общий наш знакомый) сказывал, что будто присланная тобою какая-то

[1] Приложение (*нем.*).

книжка твоего сочинения будто удержана была цензурою в Петербурге, я расхохотался и уверял, что или ты не присылал никакой книги, или что ежели присылал, то уж, конечно, цензуре не было нужды втыкать тут нос свой. Скажи мне словечко об этом» [1. 214 об.] (письмо от 5 / 17 февраля 1851 г.). Последним же творческим подарком Жуковского стала поэтическая брошюра «Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским» [18], пересланная при письме от 27 февраля / 10 марта 1852 г. 11 / 23 марта 1852 г. Булгаков отвечал: «Стихи твои к детям прелестны. Это пылкость воображения, чувства, нежность 18-летнего юноши. Внук мой Долгоруков, мальчик редких дарований, так в стихи твои влюбился, что сочиняет на них музыку» [1. 242 об.].

В энциклопедическом репертуаре писем Булгакова свое место занимали и литературные новости. Московский почт-директор не вел хроники текущей словесности, его внимание, как правило, привлекали случаи экстраординарные, часто скандальные, как смертельная дуэль М.Ю. Лермонтова 15 июля 1841 г. О ней 4 августа писал Булгакову П.А. Вяземский: «Мы все под грустным впечатлением о смерти бедного Лермантова. Большая потеря для нашей словесности. Он уже много исполнил, а еще более обещал. В нашу поэзию стреляют удачнее, нежели в Лудвига Филиппа. Второй раз не дают промаха. Грустно! <…> На Пушкина целила по крайней мере французская рука, а русской руке грешно было целиться в Лермантова, особенно когда он сознавался в своей вине» [19. С. 245–246]. 31 октября / 12 ноября Булгаков лапидарно сообщал об этом Жуковскому: «Ты знаешь уже также, что Лермонтов был убит на Кавказе Мартыновым за карикатуру и стихи, сочиненные им на Мартынова. Жалкая участь наших поэтов славнейших» [1. Л. 12]. Схожую реакцию вызвала у него и смерть Е.А. Баратынского 29 июня / 11 июля 1844 г., о которой сообщил С.Д. Полторацкий: «<…> теперь такая фатальная полоса на поэтов. В Неаполе умер Евгений Боратынский, не то чтобы не смел отступить от итальянского приговора: Vedi Napoli e poi muori![1] Но так было написано на небе в доказательство, что и в прекрасных климатах умирают молодыми, а в нашем скверным прославляемом живут и до глубокой старости. <…> когда поедешь в Неаполь, не кидайся на фрукты и на устерсы[1] надобно думать, что Боратынский был не воздержан, потому что умер от ужасной рвоты, которую ничем остановить не могли» [1. Л. 43 об. – 44] (письмо от 15 / 27 августа 1844 г.). 1 / 13 февраля 1847 г. Булгаков подтверждал дошедшие до Жуковского слухи о смерти Н.М. Языкова: «Языков точно умер, но здоровье его видимо упадало с некоторого времени. Все очень жалеют об нем в обоих столицах, ибо это потеря общая для знавших и не знавших его» [1. Л. 103 об.].

В отдельный сюжет развернулись в письмах московского почт-директора обстоятельства смерти давнего общего друга А.И. Тургенева. Еще 17 / 29 ноября 1845 г. он сообщал о хорошем самочувствии товарища и его

[1] Увидеть Неаполь и умереть! (*итал.*).

неутомимой деятельности («Он все тот же, рыскает, хлопочет, пишет, читает, лакомится, спорит, филантропствует и политикует» [1. Л. 64]), а уже на следующий день после его гибели в письме от 4 / 16 декабря рассказывал о последних минутах, завершив словами: «Т<ургенев>, по связи наших отцов и по нашей 45-летней дружбе, большая и для меня потеря. Тебе известна была его добрейшая душа, всякий, кто его знал и кто, может быть, не так его любил, как мы с тобою, всякий о нем будет сожалеть» [1. Л. 66 об.]. К сожалению, не сохранилось письмо Булгакова от 8 / 20 декабря, в котором, вероятно, содержался более развернутый очерк обстоятельств смерти и похорон друга, но уже 15 / 27 декабря он выслал Жуковскому некрологическую статью М.П. Погодина «В память об Александре Ивановиче Тургеневе» [20] со своими комментариями: «Никто не может оспаривать доброй души, коею украшался покойник, но что касается до умственных качеств Тургенева, то я нахожу, что Погодин слишком оные превознес. Он сделал из него какого-то *homme universel*[1]. Уж как будто по его сигналу во Франции сменяли министров, а в Англии толковали с ним о преобразовании парламента!» [1. Л. 67]. Ответом выступило большое некрологическое письмо Жуковского от 20 декабря 1845 г. / 1 января 1846 г., рисовавшее образ доброго и нравственно чистого человека. Постскриптумом здесь явился еще один обмен некрологическими статьями (5 / 17 января 1846 г. Жуковский выслал французский некролог, написанный графом Адольфом де Сиркуром [21] и высоко оцененный Булгаковым в письме от 19 / 31 января: «Статья написана с умом, вкусом и чувством» [1. Л. 74]) и забота о судьбе тургеневского архива, а также высылка заверенного официального свидетельства о смерти, необходимого для оформления Н.И. Тургеневым прав на наследство (письма от января–марта 1846 г.).

Такой же сюжет развернулся в переписке по поводу Н.В. Гоголя. С ним Булгаков познакомился только в 1848 г., о чем сообщал другу 30 ноября / 12 декабря: «В “Северной пчеле”, вчера нами полученной, большая статья о твоих книгах[2], кои ужасно Булгарин превозносит. Он к этому придрался, чтобы поругать Гоголя, с коим я намедни познакомился. Он много у меня расспрашивал о тебе. Я ожидал видеть в нем человека живого, пылкого, болтливого, резкого и нашел совершенно противное» [1. Л. 144 об.]. Знакомство продолжилось в начале следующего года: «Я недавно обедал с Гоголем у П.П. Новосильцева, тут я с ним познакомился. Мне бы в голову никогда не пришло, что это тот-то Гоголь. Фигура, и обращение, и разговоры его не соответствуют совсем его творениям. Речь тотчас зашла и о тебе, он много о тебе расспрашивал, жаль, что я тогда не имел твоего письма. Он собирался ехать в Петербург» [1. Л. 158] (письмо от 21 марта / 2 апреля 1849 г.). Как водится, знакомство быстро стало сопровождаться дружескими услугами, и через Булгакова стала проходить переписка Жуковского и Н.В. Гоголя, почт-директор сообщал Н.В. Гоголю и письма баденского

[1] всемирного человека (*франц.*).
[2] Статья в рубрике «Журнальная всякая всячина» [22].

корреспондента, адресованные себе. Так, в письме от 25 марта / 7 апреля 1850 г. Булгаков делился содержанием нескольких записок Н.В. Гоголя, написанных после прочтения письма Жуковского от 3 / 15 марта 1850 г.[1] Два письма Булгакова с описанием обстоятельств смерти Н.В. Гоголя 21 февраля 1852 г. и его похорон были в свое время опубликованы А.В. Петровым [24. С. 511–513][2]. Не сообщая существенно новых деталей, поскольку к кругу автора «Мертвых душ» московский почт-директор близок не был, они давали выжимку самых главных событий, что сопровождалось вырезкой статьи Е.П. Ростопчиной о похоронах [26] и приложением литографии сначала с портрета Н.В. Гоголя в гробу, а затем литографии с прижизненного портрета Э.А. Дмитриева-Мамонова. В последнем сохранившемся письме всей переписки от 5 / 17 апреля 1852 г. Булгаков препроводил к Жуковскому еще одну статью М.П. Погодина «Кончина Гоголя» [27].

Московский товарищ исправно снабжал переводчика «Одиссеи» и другими животрепещущими окололитературными историями или оценками произведений, привлекших его внимание. Так, в 1842 г. Москву посетил *Ксавье Мармье*, французский писатель и путешественник, по возвращении он опубликовал статьи о своих впечатлениях [28, 29], которые вызвали скептическую оценку Булгакова в письме от 21 января / 2 февраля 1843 г.: «Читал я в “Revue des deux monde” статью Marmier о Москве. Я ожидал что-нибудь лучшее от его пера» [1. Л. 24 об.]. В письме от 27 февраля / 11 марта 1843 г. Булгаков пересказывал мнение П.А. Вяземского о новой пьесе Н.А. Полевого «Ломоносов, или Жизнь и поэзия»: «Ломоносов <…> коего Полевой вывел на сцену совершенным вралем, а не таким, какой он был. Он играет на балалайке и заставляет плясать вприсядку Тредьяковского! Он (т<о> е<сть> Вяз<емский>) говорит, что нынешние театральные произведения наводят на него жалость, скуку и досаду» [1. Л. 27 об.]. Князь П.В. Долгоруков издал в 1843 г. в Париже под псевдонимом «граф Альмагро» на французском языке «Notice sur les principales familles de la Russie» («Заметку о главных фамилиях в России»), повлекшую вызов его в Россию и ссылку в Вятку. На А.И. Тургенева пало подозрение, что он снабжал князя историческими сведениями для «Заметки», в результате он был вызван на ковер к А.Х. Бенкендорфу, где, однако, вполне оправдал себя. Вся эта история стала предметом большого письма Булгакова от 1 / 13 мая 1843 г. 10 / 22 октября – 9 / 21 ноября 1843 г. Жуковский интересовался мнением друга о скандальной книге Астольфа де Кюстина «La Russie en 1839», вызвавшей гнев и возмущение русского общества, и о ее наиболее одиозных героях: «Читал ли ты собаку-Кюстина? Верно, читал. Я не хочу знать, что ты думаешь о его похвальном слове русскому народу в 4 томах in 8°. Но вот что желаю знать, видел ли ты его самого, когда он был в Москве. Я сам был в Москве в его

[1] Одна из цитируемых записок в печати не известна, в том числе не учтена она и в академическом «Полном собрании сочинений» Н.В. Гоголя, вторая – записка к Булгакову от 24 марта 1850 г. [23. С. 173].

[2] К сожалению, эти свидетельства не были учтены в изд.: [25].

время, ибо это было в эпоху Бородинской годовщины; но я об нем не слыхал. Кого описывает он под именем Lovelace du Kreml?[1]» [8. Л. 15 об.]. 21 декабря 1843 / 2 января 1844 г. Булгаков разразился гневной рецензией: «Я добился наконец Кюстина, читал его лжи и гнусности. Я с ним обедал здесь раза три, и слышал своими ушами, как он называл Россию le pays hospitalier par nonchalance, peuplé par une aristocratie éclairée, aimable et générale[2]. Я не читывал книги, в коей было бы столько противоречий, то мы умнейший, то глупейший народ. Сначала у меня желчь шевелилась, а потом читал я, питая к автору одно сострадание и презрение. <…> Мы сами не догадываемся, кто может быть этот Lovelace du Kremlin[3], иные думают, что это Барятинский, женившийся на Каблуковой, а другой – что это повеса der Gagarine, сын покойного кн<язя> Андрея Павловича» [1. Л. 38 об.].

18 / 30 января 1847 г. Булгаков делился скандальной историей, закончившейся высочайшей опалой, с публикацией в «Северной пчеле» стихотворения Е.П. Ростопчиной «Насильный брак» [30], аллегорически представлявшей отношений Польши и России: «Читал ли ты стихи Ростопчиной, напечатанные в “Северной пчеле”? Они чрезвычайно занимают публику обоих столиц, с тех пор что открыли истинный их смысл. Дай-ка велю списать и приложу их здесь. В Петербурге это тотчас расчухали, потому что на другой день появления “Пчелы” с этими стихами на дверях Булгарина явилась надпись большими буквами: завтра будут сечь Булгарина!» [1. Л. 102]. 6 / 18 марта 1847 г. случилось продолжение: «Я тебя слишком, право, балую, да уж так и быть: посылаю тебе в дополнение стихи, сочиненные в ответ на те, кои написала Ростопчина. Эти последние нигде не напечатаны, не так *erhaben*[4], как те, но имеют свое достоинство. Говорят, что сочинитель их – молодой человек, некто Казадаев. В первом *письме твоем желаю знать твое* мнение насчет обоих стихотворений» [1. Л. 106]. Жуковский на призыв отозвался только 13 / 25 мая 1847 г.: «Благодарствую за балладу и за антибалладу. Первая написана прекрасно; у Ростопчиной истинный талант, но она взбалмошное творение, и ее поэзия принадлежит к чудовищной породе поэзии нашего века, разрушающей всякую святыню» [12. Л. 8 об.].

Не менее скандальная история произошла с Ю.В. Самариным. Слухи о насильственном присоединении к православию эстов и латышей и о возбуждении их православным духовенством против помещиков побудили его написать в 1849 г. «Письма из Риги», в которых обсуждалось отношение к России прибалтийских немцев. Письма эти, получившие распространение в рукописи, вызвали неудовольствие властей. Ю.Ф. Самарин был привлечен к ответственности по обвинению в разглашении служебных тайн. 17 марта состоялась его встреча с императором Николаем I, который сделал ему

[1] кремлевский ловелас (*франц.*).

[2] страной гостеприимной до нерадивости, населенной аристократией просвещенной, любезной и главенствующей (*франц.*).

[3] кремлевский ловелас (*франц.*).

[4] возвышенны (*нем.*).

строгое внушение. Об этой истории Булгаков писал 21 марта / 2 апреля 1849 г.: «Молодой Самарин Юрий Ф<едорович> посажен в Петербургскую крепость. Признаться, я не знаю твердо вины его, но как слышно, он написал какие-то письмы, наполненные смелыми политическими рассуждениями с преувеличенными чувствами пристрастия к России и славянским племенам и большим негодованием на немцев. Как говорят, наказан он не за мнения свои, а за огласку вещей, кои должны были оставаться сокровенными и ему были известны по комиссии, которую имел в Риге от министра внутренних дел. Как уверяют, кн<язь> Суворов настоял в наказании Самарина гласно» [1. Л. 160 об.].

В конце 1850 г. Булгаков подробно рассказывал другу о скандале с постановкой пьесы К.С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году»: «У нас было здесь довольно странное событие. Аксаков написал драму “Освобождение Москвы в 1612 году”. Драма эта напечатана, прошла, следовательно, в цензуре – этого мало – не все то, что читается, представляется на Императорском публичном театре, а драму эту представили намедни в бенефис актера Леонидова, он играл Ляпунова. Во время представления были различные изъявления одобрения и неудовольствия, иные шикали, другие хлопали. Меня не было в театре в тот вечер, но, когда при конце начали вызывать автора, который и вышел, и благодарил публику, полиция вмешалась в дело, и многие были ею взяты, не только пиэса по приказанию Закревского была отобрана от Дирекции, но даже и все экземпляры, бывшие в продаже у книгопродавцев. Большие идут о том теперь толки. Говорят, что пиэса напитана демократическими чувствами, что автор поносит дворян, бояр, ставит их ни в грош, прославляя народ русский. Очень поразило всех, что он Сигизмунда называет старою собакою, а сына его Владислава щенком! Положим, что они были враги России, но государя на сцене называть старою собакою, – это что-то чересчур смело. Не знаю, как посудят об этом в Питере, а цензорам и здешней Дирекции не миновать беды» [1. Л. 211 об.] (письмо от 25 декабря 1850 г. / 6 января 1851 г.).

Дополнением к литературным новостям являлись новости музыкальные. Булгаков страстно любил музыку, в особенности оперу. Как вспоминал П.А. Вяземский, «музыке он не обучался и, следовательно, не был музыкальным педантом. Любил Чимарозе и Моцарта, немецкую, итальянскую и даже французскую музыку, в хороших и первостепенных ее представителях» [31]. Эта страсть вполне отразилась и в письмах к Жуковскому, которому Булгаков сообщал о каждом приехавшем в Москву музыканте или артисте. Так, 20 октября / 1 ноября 1842 г. он писал о выступлениях петербургского Немецкого театра: «У нас все сходят с ума от немцев, которые дают нам весьма хорошо “Роберта”, “Фенеллу”, “Норму” и все прочие *шедевры* новейших времен. Театр всякий раз битком набит» [1. Л. 18 об.], а 13 / 25 ноября продолжал: «<…> мы восхищаемся немецкою труппою, которую нам прислали из Петербурга. Они дают отлично “Фрейшица”, “Жидовку”, “Норму”

и все главные оперы нынешних времен. <…> Петербург ожидает Рубини[1] с тем же нетерпением, с коим мы ожидаем сюда Листа[2]» [1. Л. 19].

Приезд Д.Б. Рубини в Петербург стал предметом большого письма от 19 / 31 марта 1843 г., в котором Булгаков изумлялся фантастическим гонорарам певца и его успехом при дворе. Ференц Лист вызвал искреннее восхищение московского почт-директора, сведшего с ним короткое знакомство через посредничество дочери О.А. Долгорукой, знавшей исполнителя с конца 1830-х гг.: «В короткое время имели мы три знаменитости: Талиони[3], Рубини и Лист. Последний нас теперь с ума сводит. Что это за гений. Я думал найти в нем фигляра. Это главная черта нашего века. Фантасмагория входит во все: в финансы, политику, науки, искусства. Каталани и Паганини ввели это и в музыку. Есть немного этого добра и у Листа, но он дал душу и бездушному инструменту, каково фортепиано. Я слышал его раза четыре и в восхищении от него. Я слышал Мошелеса, Стейбелта, Гумеля, Дрейшока, Талберга, Гензельта – они меня не пленили. Я выше всех их ставил Фильда – Лист обратил их всех в прах. К большему искусству, силе, проворству он более еще Фильда высыпает из-под пальцев нежнейшие перлы, кои падают на душу как огненные капли. Удивительный человек» [1. Л. 34] (письмо от 1 / 13 мая 1843 г.). Ф. Лист в период с 22 апреля до 16 мая 1843 г. дал 8 концертов в Москве и 20 мая возвратился в Петербург. Булгаков оставил в своем дневнике пространные записи о концертах Листа, которые посетил все [34].

Продолжением темы стало письмо от 18 / 30 июня 1843 г., с которым Булгаков послал свою статью «Лист в Москве» [35]: «Познакомясь с ним короче, слыша много раз его игру и разные разности о душевных его качествах, я в упоении моем написал об нем нечто, но по-французски, читал ему и обещал оригинал. Он очень был доволен и благодарил меня. Шевырев, коему я также читал это, просил меня поместить в “Москвитянине” перевод этой статьи. Нечего делать! Взял на себя скуку сделать этот перевод сам, другой бы и лучше перевел, но не так близко к мыслям моим. Это напечатано в 5 № “Москвитянина”. Я выговорил несколько экземпляров особенно и посылаю тебе, душа моя, один на суд твой» [1. Л. 35]. Жуковский, как оказалось, Листа не знал: «<…> должен признаться, что еще не слыхал Листа; а это тем непостижимее, что я *мог* его слышать, ибо он проезжал через Дюссельдорф; давал здесь концерт, а я, варвар, не полез из кожи, чтобы услышать его» [8. Л. 14] (письмо от 10 / 22 октября – 9 / 21 ноября 1843 г.).

Следующим предметом увлечения Булгакова стал Итальянский театр. О его успехе в Петербурге почт-директор сообщал 21 декабря 1843 / 2 января 1844 г.: «В Петербурге все просто с ума сходят от итальянской оперы.

---

[1] Итальянский певец Дж.Б. Рубини, выступил с гастролями в Петербурге в апреле-мае 1843 г. См. подробнее: [32].

[2] В Москву Ференц Лист в рамках вторых российских гастролей прибыл 22 апреля 1843 г. См. подробнее: [33].

[3] М. Тальони по контракту танцевала в составе Петербургской императорской труппы в 1837–1842 гг.

Вяземский пишет мне: у гр<афа> Киселева нервы расстраиваются от Виардо Гарции, гр<аф> Алек<сей> Ф<едорович> Орлов, который вечно смеется, от нее плачет, Несельроде щиплет соседа своего Северина, очки у него прыгают на носу, он забыл Катаказия, Грецию, знает только о Рубини и Италии. Мест нельзя добиться, даже раек занят заранее, и там даже гвар<дейские> офицеры сидят» [1. Л. 40 об.]. 11 / 23 марта 1844 г. Булгаков писал о новых гастролях знаменитостей: «Мы наводнены певцами и певицами. Теперь у нас поют Рубини и Тамбурини, был скрыпач Гауман, певица Шоберлехнер, старинная приятельница моя и покойного брата. Ее приняли отлично здесь, ты, я чаю, ее знавал, слыхал под именем Mll Dall'осса, огромнейший голос и большое искусство. Я по просьбе Шевырева сделал для нее статейку в жур<нале> "Москвитянин"[1], послал бы тебе, но не думаю, чтобы это тебя интересовало» [1. Л. 42]. Наконец Итальянский театр добрался и до Москвы в лице оперного тенора Л. Сальви: «У всех голова идет кругом от итал<иянской> оперы, или, лучше, от Salvi, который, конечно, первейший теперь тенор в Европе, не исключая, может быть, и самого Рубини, и, кроме того, он молод, видный мужчина и прекрасный актер» [1. Л. 52 об.] (письмо от 19 / 31 декабря 1844 г.).

Новая волна гастролей последовала весной 1847 г., о чем Булгаков уведомлял 14 / 26 апреля: «У нас мад<емуазель> Plessy[2]. Мало тебе? Так у нас Каратыгин! Мало еще? Ну, у нас Берлиоз» [1. Л. 110]. Однако подлинным праздником стала для него поездка в Петербург, где он не был 15 лет. Три месяца, проведенные здесь, в значительной степени были посвящены театру и опере: «Какое великолепие! Какая роскошь! Какой Италиянский театр! Grizi! Mario! Frezzolini! Tamburini! Fanny Elßler!» [1. Л. 179] (письмо от 3 / 15 января 1850 г.); «Я ужасно насладился здесь Итал<иянскою> оперою, не пропустил ни одного представления» [1. Л. 181 об.] (7 / 19 марта 1850 г.); «Насладился я до сыту прекрасными театрами один другого лучше: французский, русский, балет, цирк, к коем 33 раза сряду давали "Блокаду Ахты"[3] – а уж об Италиянской опере нечего и говорить. Ежели были бы по два представления в день, я ни одного бы не пропустил. Я привез с собою из благодарности портреты Гризи, Фреццолини, Марио, Тамбурини, Фанни Элслер, Самойловых, Мартынова, Федоровой, Плесси и пр<очих> и пр<очих>. Потешили они меня, зато и я дам им почетное место в своем кабинете» [1. Л. 183–183 об.] (25 марта / 7 апреля 1850 г.).

---

[1] Статья «Софья Шоберлехнер в Москве» [36].

[2] Жанна Сильвани Арну-Плесси, популярная французская театральная актриса, игравшая в 1845–1856 гг. во французской труппе петербургского театра.

[3] С 14 по 22 сентября 1848 г. возле аула Ахты в Дагестане развернулись военные действия между мюридами имама Шамиля и русскими войсками, ставшие известными как битва за Ахты, завершившаяся победой русских войск и отступлением Шамиля из Самурского округа. Спустя два года после сражения на сцене императорского цирка в Петербурге была поставлена первая отечественная историческая конно-батальная пантомима П.К. Мёрдера, бывшего участником обороны крепости, «Блокада Ахты», пользовавшаяся большим успехом публики.

Особым событием для Булгакова стали московские гастроли балерины Ф. Эльслер, о которых он уведомлял друга 12 / 24 октября 1850 г.: «У нас пляшет славная Фанни Эльслер. Она ангажирована на 40 представлений и до сих пор восхитительна» [1. Л. 201 об.]. Впечатления о ее искусстве вдохновили почт-директора на написание восторженной статьи, которая была переслана Жуковскому 15 / 27 марта 1851 г.: «Восхищаемся мы прелестною Фанни Ельслер, но, увы, на этой Масленице кончится сделанное с нею условие, и она уезжает. Сказала мне, что Москвою оканчивает свое театральное поприще. Она нас очень полюбила, а мы ее. Я написал в честь ее статейку[1], которую пришлю, может быть, тебе. Нашлись какие-то препятствия напечатать это в наших журналах, а, право, не касаюсь нимало политики, говоря о прыжках и грациозности Фанички. Уж подлинно *Фанички*, потому что несмотря на ее 40 (иные говорят даже 44) лет, право, в балете “La fille mal gardée[2]” нельзя дать ей более 18 лет. Эта, брат, и нас с тобою перещеголяла. Я перевел статейку на французс<кий> язык и ей отдал на память, чем очень и доволен, не искав ни корысти, ни авторской славы» [1. Л. 217] (письмо от 15 / 27 февраля 1851 г.). О прощании с Ф. Эльслер, когда она покидала Москву и завершала карьеру, Булгаков писал 15 / 27 марта 1851 г., сопроводив рассказ экзальтированной брошюрой Е.П. Ростопчиной «Фанни Эльслер» [38], на которую Жуковский откликнулся иронической репликой в письме от 8 / 20 апреля 1851 г.: «Но то, что написала моя любезная графиня Ростопчина, есть чистое, гениально выраженное сумасшествие. Какая шаликовская сентиментальность в этой златоглавой Москве, которая так взрыд, гуртом плачет, прощаясь, с устарелою немецкою грациею, только оттого ей милою, что она с восхитительною легкостью ножку свою выше головы подымает и так нежно целует бриллианты, ей подаренные. Дорого бы я дал за то, чтоб видеть эту сцену всеобщего, первопрестольного плача и рыдания» [39. Л. 8 об.].

Эстафету продолжили гастроли актрисы Александринского театра В.В. Самойловой: «Теперь Москву занимает очень петербургская актриса Самойлова 2-ая. Вчера был ее бенефис, и она собрала кучу денег, кучу корон, венков и букетов, давали новую пиэсу актера Григорьева “Житейская школа”[3], комедия в 4 актах и стихах. Много есть хорошего, но ужасно растянута, много очень можно бы выкинуть, и пиэса не потеряла бы ничего. После комедии этой Самойлова прочла, т<о> е<сть> продекламировала прекрасно, твою балладу “Людмилу”, которая была принята с большими рукоплесканиями, требовали повторения, но нельзя было исполнить желания публики. За этим следовали еще три представления, я поехал домой в

[1] Статья Булгакова «Фанни Эльслер» была напечатана в: [37].

[2] Тщетная предосторожность (*франц.*). Популярный балет в двух действиях французского хореографа Жана Доберваля.

[3] Петр Иванович Григорьев (также известный как Григорьев 1-й), актер и драматург, в начале 1820-х гг. был принят на сцену Императорского драматического театра, где прослужил почти 50 лет. Среди его сочинений – и комедия «Житейская школа».

12 часов, и еще не было кончено» [1. Л. 225–225 об.] (письмо от 25 апреля / 7 мая 1851 г.).

Таким образом, насыщенная переписка Булгакова и Жуковского 1840-х гг. является подлинной хроникой литературной, театральной и музыкальной жизни России, пропущенной сквозь призму индивидуальных интересов, но не теряющей от этого новизны и информативности.

Список источников

1. РО ИРЛИ. № 27942.

2. *Булгаков А.Я.* Биография тайного советника, директора почтового департамента, Санкт-Петербургского почт-директора, разных орденов кавалера Константина Яковлевича Булгакова. М., 1838. 29 с.

3. НИОР РГБ. Ф. 41. Карт. 82. № 23.

4. ОР РНБ. Ф. 536. Оп. 1. № 1313.

5. РГАЛИ. Ф. 79. № 4-19.

6. *Москвитянин*. 1843. Ч. 2. № 4. С. 499–520.

7. *Библиотека* В.А. Жуковского: Описание / сост. В.В. Лобанов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 420 с.

8. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 83.

9. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 84.

10. *Москвитянин*. 1844. Ч. 6. № 12. С. 528–529.

11. *Русская* старина. 1903. № 4. С. 27.

12. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 85.

13. *Москвитянин*. 1845. Ч. 1. № 1. С. 37–42.

14. *Гомер*. Одиссея / пер. И.И. Мартынова. Ч. 1–4. СПб. : Тип. Департ. народ. просвещения, 1826–1828.

15. *Шевырев С.П.* Стихотворения В. Жуковского. Изд. пятое. Том осьмой. Одиссея. I–XII песни. СПб., 1849. Статьи I и II // Москвитянин. 1849. № 1. Отд. критики и библиографии. С. 41–48; № 2. С. 49–56; № 3. С. 91–117.

16. *Северная* пчела. 1848. № 57. 12 марта. С. 225–226.

17. *Русский* инвалид. 1848. № 207. 21 сентября. С. 825–827.

18. *Жуковский В.А.* Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским. Карлсруэ, 1852. 16 с.

19. *Письма* Александра Тургенева Булгаковым. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 376 с.

20. *Погодин М.П.* В память об Александре Ивановиче Тургеневе. М., 1845. 8 с.

21. *Le Semeur*. 1846. 14 января.

22. *Северная* пчела. 1848. № 268. 27 ноября. С. 1069–1071.

23. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. М. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 14. 487 с.

24. *Жуковский*: исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 1. 544 с.

25. *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852) : в 7 т. М. : ИМЛИ РАН, 2018. Т. 7. 640 с.

26. *Ростопчина Е.П.* Похороны Гоголя // Ведомости Московской городской полиции. 1852. № 47. 27 февраля. С. 201.

27. *Москвитянин*. 1852. Ч. 2. № 5. Отд. VII. С. 47–50.

28. *Marmier X.* La Russie en 1842 // Revue des Deux Mondes. 1842. Vol. 32. P. 701–755.

29. *Marmier X.* La Russie en 1842. II. Moscou // Revue des Deux Mondes. 1843. Vol. 1. P. 95–123.

30. *Северная* пчела. 1846. № 284. 17 декабря. С. 1135–1136.

31. *Русский* архив. 1868. № 9. Стб. 1441.
32. *Пезенти М.К.* Тенор Дж.Б. Рубини в Петербурге: успехи, встречи, переписка // Мир русского слова. 2007. № 3. С. 88–92.
33. *Уколова Е., Уколов В.* Гастроли Листа в России. Иллюстрированная хроника. М. : Изд-во Международного фонда гуманитарных инициатив, 2011. 294 с.
34. *Булгаков А.Я.* Листомания: Из неизданного дневника московского почт-директора А.Я. Булгакова // Наше наследие. 2002. № 61. С. 72–75.
35. *Москвитянин*. 1843. Ч. 2. № 5. С. 299–315.
36. *Москвитянин*. 1844. Ч. 1. № 2. С. 644–651.
37. *Москвитянин*. 1851. Ч. 1. № 4. Отд. V. С. 241–243.
38. *Ростопчина Е.П.* Фанни Эльслер. М., 1851. 24 с.
39. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 86.

References

1. Manuscripts Department of the Pushkin House. No. 27942.
2. Bulgakov, A.Ya. (1838) *Biografiya taynogo sovetnika, direktora pochtovogo departamenta, Sankt-Peterburgskogo pocht-direktora, raznykh ordenov kavalera Konstantina Yakovlevicha Bulgakova* [Biography of Konstantin Yakovlevich Bulgakov, Privy Councilor, Director of the Postal Department, St. Petersburg Postal Director, Knight of various orders]. Moscow: [s.n.].
3. Manuscripts Research Department of the Russian State Library. Fund 41. Card File 82. No. 23.
4. Manuscripts Department of the National Library of Russia. Fund 536. List 1. No. 1313.
5. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 79. No. 4-19.
6. *Moskvityanin*. (1843) 2 (4). pp. 499–520.
7. Lobanov, V.V. (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo: Opisanie* [Library of V.A. Zhukovsky: Description]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Manuscripts Department of the National Library of Russia. Fund 286. List 2. No. 83.
9. Manuscripts Department of the National Library of Russia. Fund 286. List 2. No. 84.
10. *Moskvityanin*. (1844) 6 (12). pp. 528–529.
11. *Russkaya starina.* (1903) 4. p. 27.
12. Manuscripts Department of the National Library of Russia. Fund 286. List 2. No. 85.
13. *Moskvityanin*. (1845) 1 (1). pp. 37–42.
14. Homer (1826–1828). *Odisseya* [Odyssey]. Translated by I.I. Martynov. Parts 1–4. St. Petersburg: Tip. Depart. narod. prosveshcheniya.
15. Shevyrev, S.P. (1849) Stikhotvoreniya V. Zhukovskogo [Verses by V. Zhukovsky]. 5th edition. Vol. 8. St. Petersburg. *Moskvityanin*. 1. pp. 41-48; 2. pp. 49–56; 3. pp. 91–117.
16. *Severnaya pchela*. (1848) 57. 12 March. pp. 225–226.
17. *Russkiy invalid*. (1848) 207. 21 September. pp. 825–827.
18. Zhukovskiy, V.A. (1852) *Stikhotvoreniya, posvyashchennye Pavlu Vasil'evichu i Aleksandre Vasil'evne Zhukovskim* [Poems dedicated to Pavel Vasilievich and Alexandra Vasilievna Zhukovsky]. Karlsruhe: [s.n.].
19. Turgenev, A.I. (1939) *Pis'ma Aleksandra Turgeneva Bulgakovym* [Letters from Alexander Turgenev to the Bulgakovs]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
20. Pogodin, M.P. (1845) *V pamyat' ob Aleksandre Ivanoviche Turgeneve* [In memory of Alexander Ivanovich Turgenev]. Moscow: [s.n.].
21. *Le Semeur*. (1846) 14 January.
22. *Severnaya pchela*. (1848) 268. 27 November. pp. 1069–1071.
23. Gogol', N.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. 14. Moscow: USSR AS.

24. Yanushkevich, A.S. (ed.) (2010) *Zhukovskiy: issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: research and materials]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

25. Vinogradov, I.A. (2018) *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolya (1809–1852): v 7 t.* [Chronicle of the life and works of N.V. Gogol (1809–1852): in 7 volumes]. Vol. 7. Moscow: IWL RAS.

26. Rostopchina, E.P. (1852) Pokhorony Gogolya [Gogol's funeral]. *Vedomosti Moskovskoy gorodskoy politsii*. 47. 27 February. p. 201.

27. *Moskvityanin*. (1852) 2 (5):VII. pp. 47–50.

28. Marmier, X. (1842) La Russie en 1842. *Revue des Deux Mondes*. 32. pp. 701–755.

29. Marmier, X. (1843) La Russie en 1842. II. Moscou. *Revue des Deux Mondes*. 1. pp. 95–123.

30. *Severnaya pchela*. (1846) 284. 17 December. pp. 1135–1136.

31. *Russkiy arkhiv*. (1868) 9. Column 1441.

32. Pezenti, M.K. (2007) Tenor Dzh.B. Rubini v Peterburge: uspekhi, vstrechi, perepiska [Tenor J.B. Rubini in St. Petersburg: successes, meetings, correspondence]. *Mir russkogo slova*. 3. pp. 88–92.

33. Ukolova, E. & Ukolov, V. (2011) *Gastroli Lista v Rossii. Illyustrirovannaya khronika* [Liszt's tour in Russia. An illustrated chronicle]. Moscow: izd-vo Mezhdunarodnogo fonda gumanitarnykh initsiativ.

34. Bulgakov, A.Ya. (2002) Listomaniya: Iz neizdannogo dnevnika moskovskogo pocht-direktora A.Ya. Bulgakova [Lisztomania: From the unpublished diary of Moscow postal director A.Ya. Bulgakov]. *Nashe nasledie.* 61. pp. 72–75.

35. *Moskvityanin*. (1843) 2 (5). pp. 299–315.

36. *Moskvityanin*. (1844) 1 (2). pp. 644–651.

37. *Moskvityanin*. (1851) 1 (4):V. pp. 241–243.

38. Rostopchina, E.P. (1851) *Fanni El'sler* [Fanny Elsler]. Moscow: [s.n.].

39. Manuscripts Department of the National Library of Russia. Fund 286. List 2. No. 86.

Информация об авторе:
Киселев В.С. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
V.S. Kiselev, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2022;
одобрена после рецензирования 28.01.2023; принята к публикации 06.10.2023.

The article was submitted 20.10.2022;
approved after reviewing 28.01.2023; accepted for publication 06.10.2023.